

Юрий Козловский

ОДНАЖДЫ ВЕРНУТЬСЯ

ЧУВСТВА НА КОНЧИКЕ КИСТИ

О РАБОТАХ Леонида Эфроса писали взахлеб отечественные и зарубежные искусствоведы. Их можно понять. Ведь кисти художника принадлежат портреты Федерико Феллини, выдающегося скрипача и дирижера Иегуди Менухина; герцогини Александры Аберкорн, в генеологическом древе которой переплелись ветви императора Николая I и Александра Сергеевича Пушкина. Эфросу позировали Её Величество королева Англии Елизавета II, Её Величество королева-мать Елизавета, принцесса Анна и другие члены королевской семьи, чьи портреты сегодня хранятся в Букингемском дворце и галерее Глория Хауз в Лондоне.

Но ни в одном издании, ни в одной радио, телепередаче до сих пор не рассказано о судьбе художника, чьи детство и юность прошли на берегах тихой Пахры, в подмосковном Подольске.

Мама Леонида работала начальником отдела кадров Минуглепрома, отец - инженером-литейщиком на Подольском механическом заводе имени Калинина. В сорок первом он входил в группу специалистов, которой поручалось взорвать

завод, если немцы возьмут город. После войны родители поженились, и муж настоял на том, что жить они будут в Подольске.

Будущий художник появился на свет в Москве, в Сокольниках, куда за два месяца до родов приехала его мать. Этот факт своей биографии Леонид считает принципиально важным, поскольку для личности творческой небезразлично, где она появляется на свет. К тому же через двадцать семь лет, в том же роддоме жена Леонида Эфроса подарит ему дочь.

Ну что же, Сокольники, безусловно, место приятное. Здесь любил работать Левитан. Отец Эфроса родом из Белоруссии, из тех мест, где родился Марк Шагал. Этот факт Леониду тоже приятен.

Пареньку исполнилось восемь лет, когда на городской выставке появился первый его рисунок туши: заснеженная горка и играющие на ней дети.

- Зимой, - улыбается Эфрос, - вечер наступает рано. Он же не понимает, что делает. Раздается звонок в дверь. Папа открывает. Появляется жгучий брюнет, как потом выяснится, смесь грека с украинкой, и торжественно произносит: "Я пришел познакомиться с художником Леонидом Эфросом".

Это был поэт Владимир Волчков. С того зимнего вечера и началась наша дружба, которой не

мешала десятилетняя разница в годах. Волчков привел меня в клуб поэтов. Состояние, в котором я пребывал, можно охарактеризовать одним только словом: потрясение! Там сидели какие-то женщины. Они курили и читали стихи...

Владимир познакомил меня с творчеством Уолта Уитмена. Позже, заканчивая полиграфический институт, я сделала дипломную работу, графически оформив книгу Уитмена "Листья травы". "Лавку древностей" Диккенса и "Подросток" Достоевского я прочитал также с подачи Волчкова.

Разговоры о писателях, об их книгах, постоянные рассуждения о поэзии были в общем-то частью среды, в которой формировалось мое мировоззрение. Большое влияние на него оказала и единственная в то время в Подольске изостудия, располагавшаяся в старом двухэтажном здании.

Знакомая отца, увидев мои рисунки, решительно заявила: "Мальчика надо непременно отвести к Владимиру Павловичу." В семь лет я предстал перед Владимиром Павловичем Бобровым. Уверен: многие художники помнят его внешность: суровое лицо, очки, следы тяжелых фронтовых ранений...

Посмотрел Бобров мои работы и говорит: "Талант есть, но надо поставить на рельсы". Он дал мне первые уроки и подарил акварельные краски

"Ленинградские". У меня, конечно, имелись свои, но с теми, что лежали в коробочке от Боброва, их нечего и сравнивать.

Каждая прямоугольная винточка была обтянута серебряной бумажкой, как у конфет. Но главная радость - появляющаяся из-под этих оболочек красочка. До сих пор люблю ленинградскую акварель. И не в пластмассовых коробочках, а в таких, как вручил мне Владимир Павлович.

Я, кстати, не был его любимцем, что объясняется достаточно просто. Учитель и ученик должны полностью совпадать. Ну, скажем, как матрица и пуансон.

- Вы учились в те времена только у Боброва?

- Нет, очень скоро стал заниматься в московской художественной школе, плюс к этому посещал подольские студии Ивана Андреевича Алдышина, Виктора Алексеевича Лашина, клуб имени Карла Маркса, где состоялась первая выставка моих детских рисунков. Ходил в открывшуюся в помещении музыкальной школы художественную школу, где тогда директорствовал Николай Никитович Фетисов.

- И все-таки, в чем главное из того, что дал вам Подольск? За что вы будете всегда благодарны этому городу?

- Мне нравилось брать мольберт и идти вдоль Пахры в поисках пейзажа. Нравилось переправ-

ляться на ходившем тогда пароме к любимым по-дольчанами курганам. Тогда еще не было коттеджей, испортивших ландшафт.

Очень любил старый город, купеческие особняки, деревянные домики у реки. Это был свой таинственный и загадочный мир. В одном из таких домиков снимал комнату мой друг Коля Ветвицкий. Первый пейзаж маслом я написал у старого моста через Пахру с прекрасной и уничтоженной, к сожалению, аркой.

Часто проходил берегом мимо Бахрушинского дворца. Тогда еще в старинном здании было обожжитие барабанного типа, а бывший директор завода имени Орджоникидзе Алексей Арсентьевич Долгий и директор ГПТУ № 27 Борис Алексеевич Папиров начинали свой подвиг по восстановлению уникального здания. В те времена я уже занимался эмалью, и Долгий с Папировым предложили сделать для будущей экспозиции портреты русских писателей и поэтов.

- Вы сказали эмаль. А как же любимая ваша акварель?

- Лучше всего в молодые годы у меня получались натюрморты. Перед маслом я, честно говоря, робел. Акварель действительно любил. Прозрачная, деликатная, чуткая, интимная техника. К сожалению, о тех работах остались одни воспоминания. Почти все, сделанное в первые

тридцать лет, уничтожил, сжег. Оставил портрет мамы и бабушки, за который получил в восемнадцать лет первое свое Лауреатство. Получать награду в Дом творчества не поехал. Не люблю пышные мероприятия. На общую похлебку меня бесполезно приглашать. Художник должен быть отшельником. И Подольск мне в этом плане подходил. Сезанн ведь тоже жил не в Париже, а в Эксе.

Я был легок на подъем. Мог взять метровый холст, этюдник и отправиться куда-нибудь в Курилово, Молчаново, Вороново. Перед тем, как написать этот холст, бродил часа два-три в поисках понравившегося места.

- Но почему вы уничтожили свои работы?

- Обычная для художника история. Не оказалось рядом умных и опытных людей, способных отобрать лучшее и ценное. Конечно, скопилось много учебных работ, но 20-30 было все-таки неплохих. А в принципе, если каждый художник будет оставлять после себя самое лучшее, пользы для искусства будет куда больше.

- Можете говорить что угодно, все равно не поверю, будто уничтоженных работ вам не жаль.

- Как говорится в популярной телегре: "Не верите и правильно делаете". Конечно, жалею. Особенно о натюрмортах. Но вот совсем недавно уничтожил один из портретов, правда, совсем по

другой причине. Человек, изображенный на полотне, стал мне неприятен. Висел, висел и надоел. Хотя в жизни я не писал лучше одежды, чем была на нем. Портрет - это особое искусство.

- А пейзаж?

- Конечно, он милее. Смотришь на него и вспоминаешь, как кусали тебя комары, как пошел дождь, с кем беседовал. Пейзаж - это материализованное время. Пейзаж - это чудесно. С людьми сложнее. Они меняются. Отношение к ним тоже.

- Такому восприятию живописи вас учили в полиграфическом институте?

- Я учился на кафедре Андрея Гончарова, ученика Фаворского. Но, слава Богу, заочно.

- Это хорошо?

- Это замечательно. Я не был ничьим учеником. Ученик гения изначально не будет первым. Он может, конечно, взять все мыслимые и немыслимые премии, но вершин учителя не достигнет никогда.

Моя первая жена Римма Юношева была талантливый художник. Она закончила художественную школу при Академии художеств имени Репина в Петербурге, затем эту академию. А потом двадцать лет отучивалась. Но дело в том, что полиграфический давал своим студентам европейское образование.

- "Вот искусство, которое умерло, которое все в прошлом. Нежное и уютное, оно как благоухание прежней эпохи". Так в начале XX века писал о портретной миниатюре, выполненной на эмали, знаток западно-европейского и отечественного искусства Николай Врангель.

Первыми в России забытые традиции, искусство финифти, так ведь на Руси называлось эмалевое ремесло, начали возрождать вы и художник Алексей Максимов. Почему все-таки эмаль? И почему увела она вас к невским берегам?

- Такой прозрачности и насыщенности цвета, как в эмали, невозможно получить ни в акварели, ни в масле. Эмаль учит художника сосредоточенности, концентрации, воле. Ну посудите сами. За двенадцать часов работы я покрывал поверхность не более спичечной головки. Эмаль учит мастерству. Я хотел стать мастером.

- А что для вас в мастерстве главное?

- Вам знаком буддизм? Есть замечательное правило, гласящее: "Сосредоточь свои чувства на кончике кисти". При работе с эмалью весь организм подчиняется ее движению.

Эмаль пришла в Россию, благодаря Петру I, и наивысшее развитие получила именно в Петербурге. Вначале я отправился по монастырям. Псково-Печерский, Спасо-Преображенская пустынь под Елгавой. А потом приехал в Петербург,

познакомился с талантливой женщиной, замечательным художником. Мы полюбили друг друга, поженились. В городе на Неве я прожил пятнадцать счастливых лет.

- Став широко известным мастером эмалевых миниатюр, вы работали над историческими сюжетами, портретами знаменитых военачальников, писателей, поэтов?

- Не только. У меня есть портреты исторические и сегодняшние, есть пейзажи в эмали, есть декоративно-прикладные работы.

- Выбор темы происходил спонтанно?

- Это очень сложный момент. Парадоксальность, на мой взгляд, черта не только художника, но любого нормального человека. Мы же не курьерские поезда,двигающиеся по расписанию. К тому же по расписанию они движутся в одной Германии.

Мне иногда говорят: "У тебя семь пятниц на неделе". Да хоть сто, если приходит интересная мысль. Я - живой человек. Могу менять мнение, решение. Вот пример. Писал два портрета, свой и жены, на фоне Петергофа. Свой переписал семь раз, пока не нашел то, что искал. Приходит жена. "Все, - говорю, - больше не могу. Устал."

- "А я, - отвечает моя Римма, - думала, что ты художник." Принялся за портрет снова, хотя, на мой взгляд, все в нем было нормально.

- Можно говорить о том, что Петербург город, где вы состоялись как художник? Здесь написан эмалевый портрет Достоевского. Портрет Льва Николаевича Толстого, выполненный в той же технике, приобрел мемориальный музей на Кропотинской. Вашими работами заинтересовались Исторический музей, Эрмитаж, Петропавловская крепость, Бородинская панорама, Оружейная палата, Государственные музеи Московского Кремля. Специалисты отмечали в них стремление расширить живописные и пластические возможности традиционной фенинфи. А кандидат искусствоведения Наталья Попова назвала ваше искусство священодействием, итогом которого "становится сплав стекла, краски, металла и души художника, скрепленный огнем". В итоге, надо полагать, признание, слава, деньги?

- У Наташи Поповой, чье имя вы только что упомянули, есть в отзыве на мои работы хорошие слова: "Слава, известность - это не звон бубенцов на колпаке у фигляра". Разве дело в славе? Главное - не поддаваться суете, искушению изменить самому себе, своим принципам. Не признаю соглашательства, не люблю маршировать в разного рода союзах и не стремлюсь попасть в шеренгу обласканных властью "мастеров культуры". В октябре 1978 года в Подольске состоялась

первая моя выставка живописной эмали. В ноябре эти работы экспонировались в Московском Государственном литературном музее.

А насчет больших заработков... Жили мы с женой в плане материальном очень тяжело. Никто нас "не раскручивал". С деньгами было всегда туговато. Растил дочь помогали мои родители. Такова классическая жизнь художника. Я проходил ее тем же теренкуром, что и многие до меня.

- Тогда непонятно, как вам удалось попасть в Италию, а затем дважды слетать в Лондон? Как получилось, что именно вы стали первым русским художником, получившим согласие английской королевы писать ее портрет с натуры?

- До 1991 года я был "невыездной", поскольку отказался рисовать портрет Брежнева в маршальском мундире со всеми наградами генерального секретаря. А потом имел неосторожность объяснить в интервью на Ленфильме причину своего отказа.

Один штрих к тому времени. В соседнем дворе жил водитель автобуса, люто меня ненавидевший непонятно за что. Он все время "пытал" знакомых: "Где этот Эфрос работает?" Ему пытались объяснить, что я - художник. На что водитель неизменно отвечал: "А я бы его на всякий случай расстрелял."

Теперь об Италии. В Петербурге, в Мраморном дворце, бывшем дворце Великого князя задумали организовать Дягилевский центр. Моя жена была известный театральный художник и живописец. Решили отправить ее в Рим, в одну из художественных галерей. Вместе с ней командировали и меня, поскольку, наконец-то, я получил разрешение выезжать за рубеж.

Прилетаем в Рим на второй день знаменитого российского путча. Всех русских в аэропорту строят отдельно, полагая, что мы начнем просить итальянское подданство.

Из галереи, куда пригласили петербургских художников, никто нас не встретил. Получаем багаж: 23 холста, два этюдника, мольберт, папка с бумагой. В общем где-то под сто килограмм. Рим, конечно, великий и прекрасный город. Но когда на улице жара за сорок, у тебя нет денег и ты на паперти, настроение не самое лучшее. Не буду передавать всех мучений, скажу только, что кончились они, благодаря советнику российского посла. Он нас приютил, дал ключи от весьма приличных апартаментов. И вот в них то, однажды вечером я совершенно неожиданно для себя говорю жене: "Ты хочешь писать Феллини".

Она смотрит на меня недоуменно: "С чего это ты вдруг так решил? Да если бы и пришла в голову такая мысль, как ее воплотить в реальность?"

Подожди, подожди, - говорю, - в Риме живет один из самых знаменитых культурологов Италии Констанцо Константине. А жена у него, насколько мне известно, русская. Что если я ей позвоню?

И позвонил. Женщину звали Галина, она привнесла к телефону мужа. Констанцо, друг Сальвадора Дали, друг Феллини, услышав об идее нарисовать портрет великого режиссера, весело рассмеялся. "Вряд ли, - говорит, - Федерико располагает временем и имеет желание позировать. Но я обещаю: просьбу вашу передам."

Через несколько дней звонит изумленный культуролог: "Фантастика, но Феллини согласился. Запишите адрес и время, когда он вас примет. Но учтите: мастер не терпит опозданий".

Наступает долгожданный день и час. Хватаем холст, папку с рисунками Рима, сделанные женой, выходим на улицу. Пытаюсь остановить одну машину, вторую, третью - бесполезно. Тогда встаю с мольбертом напротив посередине шоссе. Объехать меня невозможно, и первая же машина резко тормозит.

Языка я не знаю, говорю водителю и его пассажиру: "Корсо де Италия. Аудиенция Феллини." Это было как пароль. Нас усаживают в авто, и через какое-то время подвозят к офису великого итальянца.

Проходим по коридорам, нам любезно пока-

зывают дорогу, подводят к двери, она распахивается и перед нами Федерико. Смотрю ему в глаза, даже не карие, а как бы ореховые. В них участие и тепло.

Я могу долго рассказывать об этих встречах, но давайте ограничимся тем, что Феллини согласился нам позировать, с ним было легко и приятно общаться, и работа наша ему понравилась.

- А как случилось, что среди ваших персонажей оказалась королева Англии Елизавета II? Говорят, задолго до лондонских встреч вы совершенно неожиданно для своих друзей заявили: "Буду рисовать королеву".

- Да, это было именно так. Мы с женой были в гостях у замечательной театральной художницы Софии Юнович. Старая петербургская квартира с видом на Казанский собор. Летний вечер. На столе цветы, точнее роскошный букет цветов. И вдруг, сам не зная почему, говорю: "Мне будет позировать королева Англии".

- Но за этим, скажем так, наитием последовали реальные события. Вас это не удивляет?

- Абсолютно. Я верю в предназначение. Ничего случайного в жизни не бывает, все предопределено свыше. Стольких совпадений случайно просто не могло быть. Начнем с того, что в

Оружейной палате прошла с громадным успехом первая выставка эмали, на которой были представлены мои и Алексея Максимова работы.

Планируется выставка музеев Кремля в Таузре. Решают: неплохо, если на ней появятся портреты королевских особ, написанные русскими художниками. Выбор падает на меня и А. Максимова. Везем в Букенгемский дворец письмо за подписью директора Государственных музеев Московского Кремля Ирины Александровны Родимцевой. Первое, что слышу в знаменитом Сотбисе: "Художники всего мира хотели бы писать английскую королеву, но это невозможно".

Иду к нашему атташе по культуре Виталию Алексеевичу Лукьянцеву. Он созванивается с директором Таузера и получает приглашение провести день в музее. Приходим, встречаемся с сэром Джэфри - заведующим отделом королевских сокровищ, вручаем ему письмо королеве с просьбой о встрече.

"Единственное, что я могу для вас сделать, - говорит сэр Джэфри, - передать письмо королевскому секретарию."

- И что же дальше?

- Секретарь соглашается нас принять, но сразу заявляет: "Выполнить вашу просьбу невозможно. Королева очень занята, каждый день Ее Ве-

личества расписан по минутам. Но я могу вам помочь. Вот список королевских фотографов, у которых вы можете купить снимок королевы."

Тогда я говорю красивому, подтянутому, энергичному, шестидесятилетнему шотландцу, прекрасно владеющему русским языком: "Выставка сокровищ Московского Кремля будет проходить под патронажем королевы. Вы отказываете нам в просьбе писать ее портрет, вы отказываете Кремлю, но вы отказываете и самой королеве, которая не знает о нашем предложении."

- Хорошо, - улыбается секретарь, - я передам наш разговор Ее Величеству и покажу ей проспект ваших работ.

Через несколько дней нас приглашают во дворец. Королевский секретарь сама любезность: "Королева согласилась позировать. Через три-четыре месяца вы будете ее рисовать".

- Проходит оговоренный срок, вы снова, с официальными бумагами и, надо полагать, за государственный счет прилетаете в Лондон, предстаете перед очами Елизаветы II. Как это было?

- Королева приняла нас в желтой гостиной. Почему-то больше всего нервничал ее секретарь. По протоколу мы должны были остаться с Ее Величеством вдвоем. Но поскольку я не знал тогда английского языка, попросил задержаться нашего атташе и королевского секретаря.

- Сеанс длится достаточно долго и, естественно, он не проходит в молчании. О чём вы говорили?

- Королева оказалась живой, любознательной женщиной. Удивилась, узнав, что художник приехал практически за свой счет. Потом заговорили о лисах. Дело в том, что около гостиницы я увидел лисичку. Королева весело заявила, что и в парке Букингемского дворца живут лисы.

Первый набросок сделал карандашом. Рисунок Ее Величеству понравился. Она подписала его мне на память, хотя по этикету это вроде бы запрещено. Потом рисовал королеву-мать. В перерывах между сеансами она показывала свою галерею, а принцесса Анна - дворец. Приглашая на фуршет, королева-мать спросила: "Что будет пить господин Эфрос?" Не нарушая русских традиций, ответил: "Водку".

Изначально планировалось, что я буду рисовать принца Чарльза и принцессу Диану, но королева попросила этого не делать.

- Могу себе представить, что творилось в Лондоне вокруг художника, рисующего Ее Величество Елизавету II и членов королевской семьи. Полагаю: все газеты объединенного королевства писали о художнике Леониде Эфросе.

- Шуму действительно хватало. Встречался с князьями и графами, с маркизом Александром, у которого дворец в два раза больше Букингемс-

кого. Но приятней были другие встречи. С по-этом Иосифом Бродским, скрипачом Иегуди Менухиным. Вначале рисовал Менухина в его школе под Лондоном. Потом на репетиции с Королевским оркестром. Это был очень интересный сеанс, поскольку, работая над портретом, я вспоминал фильм Феллини "Репетиция оркестра".

После выступления Менухина в Барбикане нас с женой попросили подойти к всемирно известному скрипачу и дирижеру. Первое, что я увидел, море цветов и бегущего мне навстречу музыканта. Мы расцеловались...

- Чем вы объясняете такое отношение к вам? Неужели за этим стоит только тот факт, что вы рисовали английскую королеву?

- У Чингиза Айтматова есть замечательное определение: люди одного карася. Елизавета II, Феллини, Бродский, Менухин достигли величайших высот. Им никому и ничего не надо доказывать. Они умные, тактичные, скромные. Они, как бы это точнее выразиться, точно попали в лузу. Объясню, что я имею в виду.

Люблю и уважаю людей выявленных. Человек, к примеру, может стать виолончелистом или альтистом, но по призванию своему он должен стать только скрипачом. Играй Рихтер на органе и не было бы у мира великого пианиста.

- А вы "попали в лузу"?

- Полагаю, да. В этом, если хотите, и ответ на ваш предыдущий вопрос.

- После долгих странствий, после покоренных вершин вы снова оказались Подольске. Можно спросить почему?

- Я мог остаться в Лондоне, но вернулся в Петербург. Люблю этот город, его пригороды, мне там легко дышится. Как говорил Модильяни: "Для здоровья мне лучше в Италии, но жить я могу только в Париже". А мне для здоровья и для жизни замечательно было в Петербурге и в Павловске. Но я потерял дорогого и близкого человека. У Бродского сказано: "Мы, оглядываясь, видим лишь руины..." В Петербурге для меня такие же руины. Слишком многое с этим городом было связано. Приехал в Подольск, к маме...

* * *

Не могу, да и не хочу заканчивать на грустной этой ноте рассказ о Леониде Эфросе, тем более, что его планы огромны и хочется верить, что предчувствие своей судьбы и удачи в творчестве сбудутся. Так думают те, кто его знает и ему верит.

Двадцать лет назад в только что созданный в Музее Востока мемориальный кабинет Николая Рериха вошли два молодых художника.

Один из них, Леонид Эфрос, взялся за портрет Рериха, который должен был стать центральным в задуманной экспозиции.

Через год портрет был готов. Художнику удалось главное - передать выражение глаз Рериха - "окон человеческого духа", как писал Леонид Андреев. Предстояло пропустить портрет через закупочные комиссии, определить его цену и рассчитаться с Эфросом.

Эксперты оценили работу высоко. Цена в денежном выражении была фантастической. Когда документы были готовы и требовалась только подпись - согласие художника, Леонид удивил всех: "Не хочу продавать портрет. Дарю его музею. Я здесь очень много получил. Это не измерить деньгами." Кстати, за портреты королевских особ Эфрос тоже не взял ни копейки.

Но вернемся в мемориальный кабинет Николая Рериха. Однажды Леонид Эфрос в белоснежном костюме, белой рубашке и белых ботинках вновь перешагнул его порог. В одной руке у него была темно-красная роза, в другой - журнал с рассказом о встрече художника с Елизаветой II на королевской яхте "Британия", пришвартовавшейся на Неве к Английской набережной.

Журнал и роза предназначались заведующей мемориальным кабинетом О.В. Румянцевой. О том, что произошло дальше, рассказывает Ольга Владимировна.

"Я поставила розу в вазу, обрезав лишние листья и сделав надрезы вдоль стебля. Но роза не захотела раскрываться, увяла через три дня полураскрытоей. Только два боковых стебля с несколькими большими листьями оставались зелеными. Каково же было мое удивление, когда недели через две от одного из стеблей с листьями вылез свежий светло-зеленый росток. Постепенно на нем раскрывались листики.

Когда веточка вытянулась сантиметров на двадцать, я заметила, что последний листок какой-то странный, словно утолщенный. На минуту мелькнула мысль, что это бутон. Не может быть!

Прошло еще несколько дней. На листике появились темные продольные трещинки, которые становились все шире и постепенно светлели. Это был действительно бутон розы! Возникло сожаление, что раскрыться-то он, конечно, не сможет в воде, сил не хватит...

Через неделю, это был уже сентябрь, полностью раскрылась до последнего лепестка очаровательная светло-красная роза, светлее своей матери, и цвела полтора месяца. Она увяла пятнадцатого октября, а цветок был принесен еще летом!..

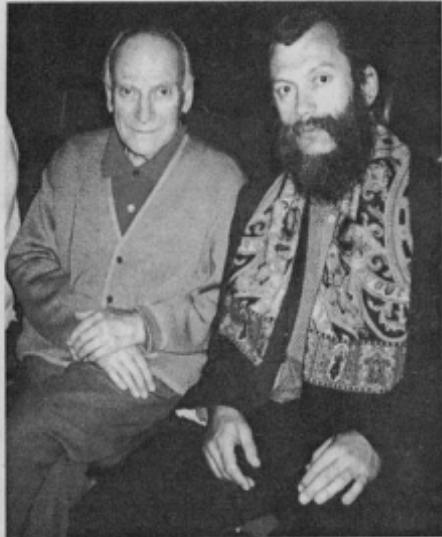
Вот и еще одно чудо Эфроса!"

ночью в мастерской художника, и это было для меня настоящим счастьем. Я не знал, что это такое — быть художником. И вот я увидел, как он работает. Он работал с огромной страстью, с любовью к своему делу, с любовью к жизни. Я был в восторге. И это было для меня настоящим счастьем. Я не знал, что это такое — быть художником. И вот я увидел, как он работает. Он работал с огромной страстью, с любовью к своему делу, с любовью к жизни. Я был в восторге.

Мастерская художника.

Художник и его мастерская заставляют мемориальную фотографию окунуться в прошлое, в то время, когда она жила. Ольга Владимировна

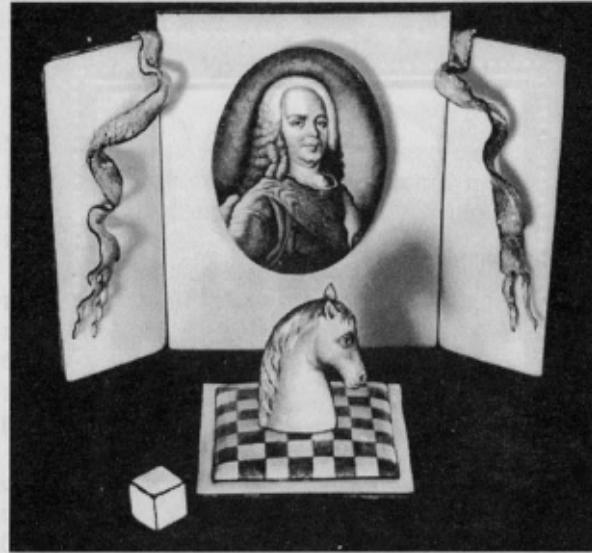

Леонид Эфрос и Иегуди Менухин.

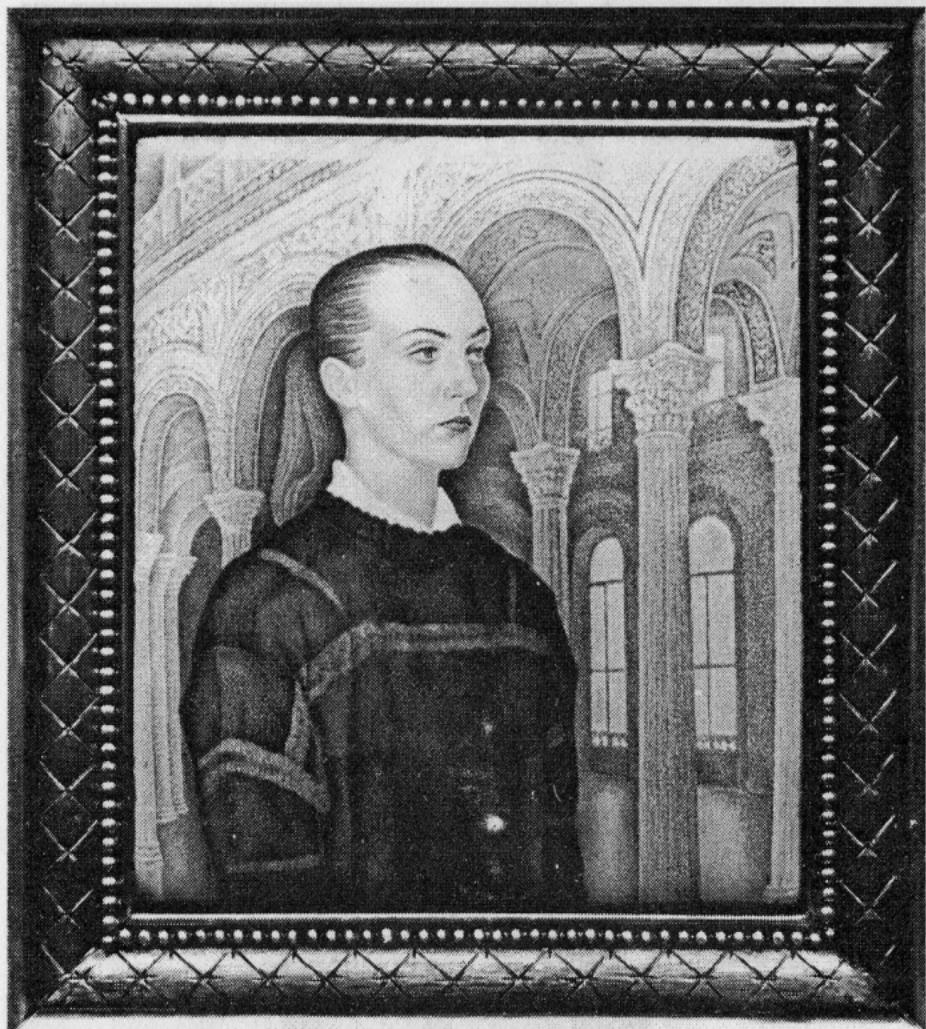
Фотография © Альберт Б

В гостях у Феллини.

Лошадь для фельдмаршала.
Л. Эфрос. Эмаль живописная, металл.

Наташа в павильонном зале.
Л. Эфрос. Эмаль живописная, металл.

В гостях у Федориной